

Романный субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (Статья вторая)

В статье исследователь раскрывает сущность семейной хроники – жанра литературы, предметом которого является изображение жизни нескольких поколений одного семейства. Авторы семейной хроники сопоставляют судьбы разных поколений, выявляют их сходство и различия, фиксируют преемственность поколений в контексте эпох. История семьи способна в сжатом виде вместить историю страны в ту или иную драматическую эпоху, однако историзм романа – семейной хроники своеобразен: крупные события, присутствующие в романе, не интересуют автора сами по себе, но они находят отражение как имеющие значение для данной семьи. Во второй статье кратко рассмотрена история жанра в русской литературе, выявлены его сходства и различия с родственными жанрами прозы (биографическим романом и романом-эпопеей), высказано предположение о причинах возникновения жанра в связи со спецификой историко-литературного процесса, рассмотрены основные мотивы данных романов и некоторые принципы построения семейных хроник.

Ключевые слова: романная проза, жанр, семейная хроника, роман-эпопея, романная ситуация, «мысль семейная», историзм, точка бифуркации, поэтика хроникальности, повседневность.

Eugeny Nikolsky

The Novel Subgenre Family Chronicle: Some Questions on History and Theory (Article Two)

In the article the researcher reveals the essence of the family chronicle - a genre of literature, the subject of which is an image of life of several (usually from two to four) generations of the same family. Authors of a family chronicles compare the fates of different generations, identify their similarities and differences, and record the continuity of generations in the context of epochs. The history of the family is able to contain the history of the country in a compressed form in a particular dramatic era. These works are created precisely to prove that the main cataclysms are over and life continues, despite tragic and dramatic collisions; however, the historicism of the novel-family chronicle is peculiar: author is interested in major events of a novel not as such but in their significance for the family. The second article briefly examines the history of the genre in Russian literature, reveals its similarities and differences with related genres of prose (biographical novel and epic novel), suggests the reasons for the genre's emergence in connection with specifics

of the historical and literary process, considers main motives of these novels and some principles of building family Chronicles.

Key words: novel prose, genres, family chronicle, epic novel, novel situation, "family thought", historicism, bifurcation point, poetics of chronicity, everyday life.

История поколений в отечественной словесности присутствовала с самого её зарождения. Данные мотивы мы находим и в Нестеровой «Повести временных лет», и в житийной литературе (например, рассказ о предках и родителях Сергия Радонежского в житии, написанном Епифанием Премудрым) [20]. Данные мотивы были типичными и для дворянской мемуаристики [10], которая, по большому счету, и предопределила развитие собственно художественной семейной хроники в литературе XIX столетия.

А собственно романная традиция семейных хроник в русской литературе начинается с творчества С. Т. Аксакова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Вс. С. Соловьева. Известно, что М. Ю. Лермонтов в 1840 году говорил В. Г. Белинскому о своем замысле обширной трилогии «из трех эпох жизни российского общества (эпохи Екатерины II, Александра I и настоящее время), имеющих между собой связь и некоторое единство» [2, с. 455]. Ранняя смерть оборвала замыслы поэта, но из этого краткого замечания можно сделать предположение, что он замыслил нечто вроде романа – семейной хроники. Сам факт такого замысла показателен, т.к. он отражает в себе общие тенденции идейно-поэтического развития литературы XIX века.

Применительно же к наследию С. Т. Аксакова отметим, что в его «Семейной хронике», по мнению В. В. Кожина, «как бы содержатся семена или, точнее, завязи всей будущей русской прозы». Соответственно, классическим образцом анализируемой нами жанровой формы является «Семейная хроника» С. Т. Аксакова (1856), оказавшая, по утверждению ряда исследователей, влияние на развитие русской прозы XIX века и, в первую очередь, на появление и укоренение в ней «мысли семейной». В. В. Кожин отмечает: аксаковская книга стала своего рода прообразом величайших «семейных романов "Война и мир" и "Анна Каренина" Л. Н.Толстого, "Подросток" и «"Братья Карамазовы" Ф. М. Достоевского и других» [7, с. 115].

В своем эссе, посвященном творчеству С. Т. Аксакова, В. В. Кожин определяет его хронику как «... сердцевиное явление отечественной литературы, животворные токи которого пронизывают ее всю целиком <...>. Определение «богоданная» особенно уместно потому, что в то время еще не существовала великая русская проза <...>. И только сам Бог мог дать ей первотолчок, подарив Слово Аксакову» [7, с. 108].

Если же рассматривать динамику жанра не в публицистическом, а в научном стиле, то стоит сугубо отметить специфику темпорального построения аксаковской «Семейной хроники». Все повествование построено по строго линейному принципу, то есть во временной последовательности от прошлого к настоящему, преимущественно без скачков, перебоев и ретроспекций. Ведь для полноценного изучения семейной истории необходим анализ произошедших событий и их последствий. А сделать его можно лишь в том случае, когда известен четкий порядок всех этапов истории.

Но как линейная хроникальность сопрягается с иными художественными аспектами? В исследовательской практике распространено мнение о том, что в «Семейной хронике», где художественное начало в большей мере поглощается автобиографическим, С. Т. Аксаков сосредоточен на изображении картин быта и природы, своих воспоминаний. Эту мысль находим в исследованиях С. И. Машинского [10], М. В. Грицановой [4], А. Г. Татьяниной [24], а также в одном из последних исследований Е. К. Созиной. Исследовательница определяет тип письма С. Т. Аксакова как «вспоминающее – визуалистическое» и утверждает, что «сквозного смысла, трансцендирующего из воспоминаний на всю историю жизни, в его повествовании нет, есть скорее череда сменяющих друг друга картин, комментируемых автором-повествователем» [23]. Мы не можем согласиться с этим утверждением. Так, в качестве организующего сюжетного начала в «Детских годах» можно обозначить не ретроспективное описание и пересказ исторических анекдотов (примечательных случаев), а идею и концепцию формирования личности, связывающую это аксаковское произведение с традицией романа воспитания. По словам самого автора, его интересовал «сам процесс формирования личности ребенка, детский мир, создающийся постепенно под влиянием ежедневных новых впечатлений. Тем не менее, повествование организовано еще и точкой зрения взрослого рассказчика, вспоминающего себя мальчиком, анализирующего каждый шаг ребенка, его впечатления, и тем самым, выстраивающим определенную стратегию расположения эпизодов» [10], подчиняющуюся линейно-хронологическому принципу.

Своеобразным отражением ситуаций, имевших место в действительности, являлись в нашей литературе две вымышленные династии: Головлевых и Горбатовых, одна – порождение таланта Салтыкова-Щедрина, другая – Всеволода Соловьева.

М. Е. Салтыков-Щедрин работал над романом «Господа Головлевы» (1875–1880) несколько лет. Первые его главы сначала печатались в составе цикла «Благонамеренные речи». Это обстоятельство позволяет воспринимать

Головлевых в ряду тех сатирических персонажей, которые любят произносить «благонамеренные речи» в защиту «священных принципов» государства, церкви, собственности, семьи, постоянно их нарушая. В многоплановом и всеохватном творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина художественные произведения, составляют менее половины от всего им написанного. В свою очередь, из них заметно выделяются пять романов, цикл «Благонамеренные речи», рассказы и повести. Особняком стоят «Сказки». Дворянство как основной герой выносится на страницы «Благонамеренных речей», «Современной идиллии», «Помпадуров и помпадурш» и некоторых других. Главная книга Салтыкова о русском дворянстве – «Господа Головлевы» – признана блестящим образцом жанра семейной хроники.

Если для салтыковских произведений (а также романа Гр. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский», о котором речь пойдет ниже), посвященных описанию судеб дворянских родов, характерны обличительный тон и сатирический пафос, то для Всеволода Сергеевича Соловьева (1849–1903) стал определяющим иной подход – реалистическое и отчасти лирическое изображение жизни русской аристократии в XIX веке. Уже будучи зрелым художником со сложившейся манерой письма, Всеволод Сергеевич Соловьев приступил к созданию романа «Хроника четырех поколений», в котором он задумал отразить историю дворянской семьи. В «Хронику» (получившую также наименование «Семья Горбатовых») вошло пять романов: «Сергей Горбатов», «Вольтерьянец», «Старый дом», «Изгнанник», «Последние Горбатовы». Все они связаны единой нитью – судьбой одной дворянской семьи, пережившей бурные эпохи XVIII–XIX вв.: золотой «век Екатерины», время французской революции, наполеоновские войны, восстание декабристов, николаевскую пору и становление нового буржуазного уклада в России. Первая книга пенталогии была написана в 1881 году; вторая и третья соответственно в 1882 и 1883 годах; четвертая и пятая в 1884 и 1886 годах. Можно заметить, что первое произведение нового жанра появилось в русской литературной традиции за 15 лет до аналогичного явления в Европе (романа Томаса Манна «Будденброки»).

Во второй половине XIX века созданием семейных романов (так или иначе сопряженных с хроникальностью) увлеклись писатели, далекие от этого жанра: Евгения Тур («Семство Шалонских»), А. Ф. Писемский («Тысяча душ»), философ К. Н. Леонтьев («Подлипки»), А. И. Герцен («Кто виноват?», «Записки одного молодого человека»), И. А. Гончаров (романная трилогия), И. С. Тургенев («Дворянское гнездо») А. Я. Панаева («Семейство Тальниковых»), Д. В. Григорович («Переселенцы»), Б. К. Зайцев («Путешествие Глеба»), наконец, И. А. Бунин («Суходол») [См.: 16].

В это время становится все более понятным, что через ряд эпизодов из жизни одного человека или же через биографию не всегда возможно отобразить полную картину социально-культурных и политических изменений в жизни общества. Насущная необходимость в реализации этой потребности рождает в различных странах у разных писателей новые формы литературных произведений. В частности, это привело к появлению жанра романа-эпопеи («Война и мир» Л. Н. Толстого в России, «Разгром» Э. Золя, «Жан-Кристоф» Р. Роллана во Франции), а также социально-бытового романа, где происходило обобщение явлений эпохи. Таковыми мы считаем «Петербургские трущобы» и «Панургово стадо» Вс. Крестовского, а также «Соборяне» и «На ножах» Н. С. Лескова.

Таким образом, во второй половине XIX века оформилась тенденция расширения тематики, проблематики и поэтики жанра романа, его архитектуры и особенностей языка. Образно говоря, произошло «растекание мыслью» вширь (синхронно) по горизонтальному срезу. Насущные потребности литературного развития эпохи поставили множество проблем, разрешение которых, включая определение причин генезиса тех или иных явлений, почти не осуществлялось. Хотя именно развитие литературы в этом направлении значительно обогатило коллекцию жанров и поэтических приемов мировой словесности. Развитие проблематики и поэтики «по вертикали» (диахронно) рождает «семейную хронику» как особый жанр по возможности изображения генезиса явлений эпохи. Потребность в создании большого романа проявляется все более настойчиво уже в начале двадцатого века. «В "Будденброках" Т. Манна <...>, в форсайтовском цикле Голсуорси то смена поколений, то многообразие деятельности человека в широкой сфере социальных связей, на протяжении долгих лет поглощают внимание пытливых художников» [26, с. 20].

К этому можно добавить, что многое в литературном развитии (как показал еще В. М. Жирмунский) обусловлено общими закономерностями, проявляющимися в разные времена и у разных народов. Так, например, Т. Манн задумал свой роман об «истории гибели одного семейства» в конце XIX века [см.: 1]; независимо от него русский писатель М. Горький предполагает создать историю одной семьи с 1812 по свое время [8, с. 144]. В общих чертах замысел у Алексея Максимовича сложился уже в конце XIX века и был частично реализован в произведениях «На плотях» (1895 г.), «Наваждение» (1896 г.), «Фома Гордеев» (1899, где есть интересный рассказ об истории купеческой фамилии), «Мужик» (1890 г.). Как отмечала В. А. Максимова, уже тогда М. Горький проявлял «интерес к теме поколений» [8, с. 145]. Общим

местом в работах горьковедов стало упоминание о замысле романа «Дело Артамоновых» в беседах со Львом Толстым в 1901–1902 годах и с В. И. Лениным в 1910 году. Это отмечают А. И. Овчаренко, Е. Б. Тагер, С. В. Касторский, А. И. Волков, И. С. Нович. Однако свой замысел писатель смог реализовать после того, как завершилось (вследствие общероссийской катастрофы в 1917 году) развитие русской буржуазии.

Само по себе появление произведений о семейной истории (романов Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» 1884 г., а также нижегородских семейных хроник: И. С. Рукавишникова «Проклятый род», опубликованной в 1914 году, и А. М. Горького «Дело Артамоновых», 1925 г.) было продиктовано запросами времени и имело как общественный, так и художественный резонанс. Каждая семейная история рассматривается здесь (это особенно было актуально на Нижегородчине, где активно развились капиталистические отношения и происходил весьма специфический синтез дворянского и буржуазного укладов) с точки зрения кардинальной проблемы века – противоречий капиталистической цивилизации, охватывающей все уровни личного и социально-экономического и культурного бытия [15].

Реально-историческое время и время индивидуально-психологическое в романах – семейных хрониках в целом (вне зависимости от их географического «рождения») неразрывно, более того – объективный ход истории подчиняет и вбирает в себя представления и ощущения персонажей. Эта форма повествования сохраняет черты традиционности, восходящей к семейной хронике XIX века, и одновременно под влиянием развивающихся буржуазных социально-экономических отношений вносит свои коррективы в структуру текста.

Как неоднократно отмечали исследователи, в основу «Дела Артамоновых» М. Горький положил не столько историю трех поколений буржуазной семьи Артамоновых, сколько историю их «дела». А это способствовало в свою очередь социальной актуализации сюжета, а также усугубляло социально-экономическую проблематику. В романе на примере одной семьи и истории одного класса отразились многие проблемы становления национального предпринимательства (если использовать современную терминологию, то бизнеса средней руки). Предшественником М. Горького в описании семьи в период формирования русского капитализма стал Д. Н. Мамин-Сибиряк, новаторски осветивший аспекты и явления экономически-бытового характера и поставивший себе цель написать объемный и многоаспектный роман, подобный «Ругон-Маккарэм». Как известно, им была задумана (но, к сожалению, не реализована) целая серия романов, по художественной модели известной «саги» Золя. Первый из этой серии роман «Приваловские миллионы» (1883 г.) отражает не

только процесс развития крупного бизнеса на Урале, но и внутрисемейные отношения с учетом локального своеобразия: традиционный бытовой и психологический уклад, местные нравы, этнографические (а точнее, этнические и субэтнические и социальные типы) и т. п.

Ситуация меняется после 1917 года, когда возникают иные задачи, но при этом русская литература и в советской метрополии, и в свободном от идеологического диктата рассеянии не забыла этот жанр. Все, что создали авторы за этот период, естественно, неравноценно. Однако каждый писатель, работавший в этом жанре, так или иначе, продолжал традиции своих прославленных предшественников. Советские семейные хроники пользовались в семидесятых годах оглушительной популярностью независимо от их литературных достоинств и художественного уровня, как, впрочем, и исторической объективности. Мы говорим о таких книгах, как «Русь» П. Романова, «Журбины» Вс. Кочетова, «Строговы» Г. Маркова, «Занины» В. Трапезникова, пряслинская трилогия Ф. Абрамова, «Любавины» В. Шукшина, «набатовская» хроника Ф. Таурина и, конечно, бессмертные творения А. Иванова «Вечный зов» и П. Проскурина «Судьба», историческая хроника Е. Федорова «Каменный пояс» и другие. В эмиграции нижегородский писатель Евгений Чириков создал роман-реку «Отчий дом», в первых частях которой весьма актуальны проблемы истории поколений. История семьи изображена и в получивших популярность в английском переводе у западного читателя романах Нины Федоровой «Семья», Владимира Максимова «Семь дней творения» и «Карантин», а также автобиографическом произведении Ирины Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные».

В современной русской литературе жанр семейной хроники представлен получившими популярность благодаря экранизациям романами Василия Аксёнова «Московская сага», Григория Ряжского «Дети Ванюхина», Семёна Малкова «Две судьбы», а также Дмитрия Вересова «Семейный альбом» и другими произведениями [12]. Определенные черты семейной хроники можно обнаружить и в биографическом романе Людмилы Улицкой «Медя и её дети».

Завершая исторический обзор семейных хроник, отметим, что русская литературная традиция способствовала возникновению семейных хроник в отечественной словесности. Однако на формирование этого жанра оказало влияние также и то, что в трудах В. М. Жирмунского получило определение «типологических» факторов развития литературы. Литературное развитие на протяжении всего XIX века знаменовалось не только возникновением новых тем и направлений, но и серьезными модификациями системы литературных жанров, а также увеличением удельного веса романного жанра в литературе.

Продолжим рассмотрение некоторых аспектов поэтики семейных хроник. Для произведений этого типа характерно наличие генеалогической справки, повествующей о предыстории рода. Склонность к самовыражению в семейных хрониках была свойственна писателям-дворянам с богатыми родословными, истории которых волновали авторов, подчас – последних отпрысков своих фамилий, или отдельных ветвей (как, скажем, Лермонтов, Герцен или Бунин). Поэтому очень редко мы найдем в семейных романах отрицательное, по преимуществу, отношение к аристократии в целом, к родной старине, порою даже не обходится без некоторой доли осуждения прошлых и современных нравов. (Отдельные критические высказывания дворянских писателей в адрес братьев по сословию не идут в сравнение с «перлами» коммунистического «реализма», направленного на тотальное поношение дворянской истории.).

Справедливости ради стоит отметить, что критическими мыслями по отношению к отдельным аспектам дворянской культуры насыщен русскоязычный роман «Пан Халявский» (1839–1840) украинского писателя-шляхтича Гр. Квитки-Основьяненко. Это произведение представляет собой нарочито комическую биографию простоватого, но плутоватого малороссийского аристократа Трофима Халявского, описание его забавных приключений в Велико-россии, в частности, в Туле и Санкт-Петербурге. Квитка-Основьяненко повествует также о родителях и детях своего героя, однако описания предшествующего и последующего поколений представлены лишь в экспозиции и финальных главах, удельный вес этих поколений в общем контексте невелик, поэтому роман не представляется возможным отнести к типу семейной хроники. В этом произведении есть ряд черт, которые впоследствии проявились в семейных хрониках, в том числе и генеалогическая справка. Как писал Квитка-Основьяненко, ясновельможный род знатных панов Халявских восходит к некоему истопнику одного из польских королей, который как-то ночью поленом (халывой) убил мышью, укусившую спавшего монарха, за что и был пожалован гербом и сопричтен к шляхетскому чину.

При анализе специфики данного жанра встает закономерный вопрос о соотношении семейной хроники с романом-эпопеей и романом-биографией. Мы рассматриваем семейную хронику как особую жанровую разновидность романа, только в некоторых своих чертах близкую к роману-эпопее. Как отмечает Н. П. Утехин, «особенности того или иного типа связаны с тематикой и проблематикой произведений и могут быть общими для многих жанров романтической литературы» [25, с. 9].

Для определения четкой дифференциации жанровых свойств и особенностей семейной хроники и романа-эпопеи необходимо сопоставить их пара-

дигмы и, определив их сходства и различия, рассмотреть вопрос об их идентичности. Для дальнейшего анализа нашей проблемы необходимо привести само определение понятия эпопеи. «Основной чертой современной эпопеи является то, что она воплощает в себе судьбы народов, сам исторический процесс, и это ставит ее в один ряд с величественными эпопеями прошлого и в то же время отделяет от романов в собственном смысле этого слова, например, от романов Г. Флобера, И. С. Тургенева, Т. Гарди и др. Эпопея занимает большое место и в литературе XX века. К жанру эпопеи можно отнести «Жизнь Клима Самгина» А. М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова и т. п.» [6, с. 1238]. Можно увидеть, что в данном случае наблюдается путаница жанровых определений романа-эпопеи и семейной хроники, о чем мы писали выше. «Для эпопеи характерна широкая, многогранная, даже всесторонняя картина мира, включающая и исторические события, и облик повседневности, и многослойный человеческий хор, и глубокие раздумья над судьбами мира, и интимные переживания личности. Это определяет необычно большой объем произведения, чаще всего занимающий несколько томов (хотя, конечно, сам по себе объем не может быть признаком эпопеи). Эпопея – один из самых трудных жанров» [6, с. 1238].

На наш взгляд, семейная хроника сформировалась под влиянием литературных традиций XVIII – начала XIX вв., когда в центре внимания авторов стоял человек, в совокупности всех своих психологических социальных и духовных свойств. При этом проблема «человек и общество» ставилась и разрешалась в ином аспекте: в центре стоял человек, а не масса.

Итак, роман-эпопея (многогеройный, многосюжетный) – это большой роман. Его «крупный масштаб обусловлен тем, что в романе-эпопее говорится о народе (а не о семье, или отдельном ее представителе), автор романа-эпопеи видит человека как частицу, вписанную в историческую эпоху; роман авторитарен и претендует на исчерпывающее раскрытие всего и вся. В этом аспекте, на наш взгляд, проходит основная грань между эпопеей и семейной хроникой. Последняя не обладает столь большим уровнем обобщения, т.к. в центре произведений этого типа находится не все общество в трудный момент его истории, а лишь один человек или одна семья. Через сугубое изображение проблематики одной семьи излагается история отдельно взятого сословия или социальной группы, и, как правило, рамки произведения на этом ограничиваются. В семейных хрониках мы не найдем против- или сопоставления различных общественных классов или групп, ибо жанровые задачи и цели здесь иные» [22].

Это подтверждают ставшие традиционными высказывания критиков о том, что, к примеру, «Дело Артамоновых» – роман об истории русской буржуазии; «Будденброки» – об истории немецкого бюргерства; «Сага о Форсайтах» – об английских капиталистах. К этому можно добавить, что «Хроника четырех поколений» – роман об истории русского дворянства, а «Поющие в терновнике» – об австралийских землевладельцах, «Люборацкие» (Анатолій Свидницький – «Люборацькі»), написанные поповичем, – о духовенстве. Иные социальные группы в этих произведениях не представлены или же представлены незначительно.

Семейные хроники близки по своей тематике к социально-психологическим романам. Как пишет А. В. Чичерин, роману-эпопее свойственна многосюжетность, наличие романов в романе, «пересечение истории деяний одного персонажа с другими историями и событиями. Каждый сюжет воспринимается в связи со всеми остальными событиями и сюжетами» [26, с. 18]. Семейная хроника, как правило, отличается монолитностью сюжета, побочные линии и вставные новеллы для нее не характерны или, если они все же присутствуют, то связь между ними значительно теснее за счет единства действия.

Семейная хроника не обладает обычной для эпопеи панорамностью. Автор погружен в изображение отдельной семьи и «не растекается мысленно по древу»: не указывает на сражения, на движение общественных масс, на другие семьи, не вводит эпизодических персонажей, формирующих широкие обобщающие картины. Сам по себе жанр не определяет ни выбор предмета, ни авторское отношение к нему, но для романа-эпопеи «...не случайно изображение народа именно в роли творца истории. Первоэлемент литературы – язык – в романе-эпопее служит особым задачам связывания и расчленения, пояснения многообразных, противоречивых, сложных явлений жизни» [26, с. 19].

В этой связи нам хотелось бы обратиться к анализу такого явления художественной прозы, как образ автора. Впервые это понятие в своих трудах по поэтике и стилистике вводит академик В. В. Виноградов. Образ автора – это семантический и поэтический центр текста, от которого расходятся нити ко всем другим художественным явлениям произведения. Для эпопеи образ автора предстает как демиург, с высоты птичьего полета рассматривающий жизнь, все явления действительности. И хотя порою взор автора останавливается на конкретном персонаже, все же главное для эпопейного «демиурга» – панорамность и глобальность видения мира.

В семейной хронике мы сталкиваемся с иным типом образа автора. Его взгляд не охватывает всю панораму реалий жизни, а скользит по особнякам и поместьям, растворяется в быте одной семьи, четко фиксирует мелкие детали

и порою «убегает» от масс народа. Хотя в этом аспекте грань между хроникой и эпопеей четко не прослеживается, иного и быть не может, т.к. каждое произведение литературы своеобразно. Семейная хроника иногда может содержать в себе картины широких родственных, социальных и культурных связей семьи («Сага о Форсайтах», «Хроника четырех поколений») и в этом проявлять лишь близость к эпопее, но не отождествляться с оной. Ибо события гражданской истории интересуют авторов хроник лишь в том случае, если они каким-либо образом касаются отдельной семьи; в то время как автора эпопеи интересует история народа и страны.

Основное отличие хроники от эпопеи заключается в отказе от прямого изображения крупного события или изменение способа его изображения. Как правило, это событие представлено лишь опосредовано и его описание не занимает большого количества строк в семейной хронике [19; 22]. Чаще всего, мы слышим лишь отзвуки событий. Таким образом, рассмотренная нами специфика историзма хроник становится образующим фактором для данного жанра. В. В. Кожин в качестве дополнительного жанрообразующего критерия выделял объем произведения. Возможно, объем текста (примерно одинаковый для обоих жанров) служит основой для суждения об идентичности хроники и эпопеи.

Для сравнения рассматриваемых жанров представляет интерес вопрос, за счет чего в них достигается объем текста? Эпопея по своему содержанию не протяженна во времени (время действия «Тихого Дона» и «Войны и мира» около 10–15 лет; «Жизни и судьбы» В. Гроссмана – около 7 лет), но охват жизненного материала заставляет расширять панорамные рамки произведения. В семейной хронике, временная протяженность которой охватывает период около 50–100 лет, объем текста достигается за счет введения картин жизни и быта поколений. Таким образом, сходные по объему и различные по временному охвату произведения различны по своей жанровой природе.

По словам А. Я. Эсалнек, из конкретного анализа произведений следует, что «структурные особенности романа как жанра представляют из себя совокупность компонентов, взаимосвязанных друг с другом и образующих некое целое. Типологические разновидности подобных произведений зависят от качественных свойств данных компонентов, удельного веса каждого из них в пределах целого и характера связи между ними внутри структуры. Этими особенностями определяются и конкретные типы романов, наметившиеся в европейской литературе с конца XVIII – начала XIX столетий» [27, с. 142]. Высказанная мысль о возможной межжанровой дифференциации говорит о необходимости провести сравнение семейной хроники с биографическим романом.

В последнем типе романа мы можем встретить некоторые черты, сходные с чертами семейных хроник. В частности, в произведениях этого типа мы можем наблюдать рассказы о предках героя, его родителях и детях. Это может показаться дублированием семейной хроники. Но в виду того, что «удельный вес» подобных компонентов в этих жанрах различен и цели этих жанров не идентичны, то можем утверждать, что семейная хроника и биографический роман близки, но не тождественны.

К этому можно добавить, что для автора семейной хроники любое поколение самоценно, и произведения этого жанра, по сути, комплекс биографий лиц одной семьи, изложенных в четкой хронологической последовательности. Все эти данные позволяют нам определить особое место «семейной хроники» среди других, родственных ей, жанров романной прозы.

А. Я. Эсалнек писала, что «возможно даже, что одни и те же структурные признаки могут перекрещиваться и обнаруживаться в произведениях разного типа. Поэтому о жанре произведения следует судить по внутренним качествам, по жанровому содержанию, которое, изменяясь и модифицируясь в творчестве того или иного писателя, дает разные типы романов» [28, с. 41]. Применительно к семейной хронике особо отметим, что своеобразие этого вида художественной прозы является следствием совокупности описанных нами выше специфических черт ее проблематики и поэтики.

Однако способность семейной хроники к трансформации вовсе не означает, что мы имеем дело с жанром, не обладающим самостоятельной значимостью. Напротив, возможности хроники, ее подвижность, динамичность могут быть оценены как свидетельства ее жизнеспособности. Исходной позицией этого движения остается, однако, собственная природа жанра, опирающаяся на специфические признаки, первым среди которых является особый характер времени.

Именно по этим принципам – с неизбежными исключениями и отклонениями, по-разному подтверждающими правило, – построены семейные хроники русской и европейской литературы XIX–XX веков.

Жанровая разновидность романа семейной хроники стала значимым фактом литературного развития XX века. В таких произведениях наблюдаются различные пути претворения и развития важного жанрообразующего мотива – мотива поколений. При всем разнообразии факторов, определяющих идейно-художественную специфику произведения, в определенных моментах эволюции семейного характера мы наблюдаем сходные тенденции развития.

Анализируя общие аспекты проблематики этого жанра, можно выделить несколько наиболее типичных проблем, решаемых семейной хроникой: соотношение истории семьи и истории общества, что в свою очередь рождает ряд

других особенностей, являющихся прерогативой именно этого жанра, составляющих его классические мотивы. Это то, что в литературоведческих монографиях (в частности, упомянутых нами в ранее [11; 13; 14] зарубежных исследователей) рассматривается как мотивы вырождения (деградации, дегенерации).

Такой подход нам представляется несколько односторонним: более правомерно говорить об эволюции характера героев на протяжении семейной истории. Эти изменения могут иметь как негативный характер (то есть вырождение, в том числе рост физических и психических болезней, духовно-интеллектуальное оскудение, снижение социальной активности, физиологическое бесплодие), так и позитивный характер (возрождение, восстановление потенций рода после мрачных лет дегенерации). Изменения могут быть и нейтральными: характер и мировоззрение трансформируются под влиянием событий истории.

Итак, обобщение рассмотренного нами художественного материала семейных хроник показывает нам основные мотивы эволюции семейного характера в произведениях этого жанра, поскольку необходимость изменения характера в семейной истории обусловлена художественной природой произведений. Но вместе с тем сама эволюция психического склада семьи наряду с другими мотивами становится жанрообразующим фактором романа семейной хроники.

Все типы модификаций можно условно разделить на четыре группы:

- 1) нейтральные исторические, обусловленные изменениями психологического и социального состояния семьи;
- 2) негативные изменения семьи (т.е. вырождение и деградация);
- 3) возрождение семьи, т.е. восстановление её материального и духовного потенциала;
- 4) становление рода через путь прогрессивного развития.

Мотивы первой группы встречаются во всех произведениях, где в качестве одной из фундаментальных представлена проблема социального развития общества, а также где семья является символом той или иной общественной группы или сословия. Так, например, психологическая и культурно-интеллектуальная эволюция младшей ветви рода Артамоновых [18] представляет собой реализацию этих мотивов. Аналогичным образом идет эволюция Форсайтов и, в какой-то мере, Армстронгов – Клири (роман «Поющие в терновнике» К. Маккалоу). К этой же группе можно отнести и изменения экономической деятельности семьи Горбатовых в связи с формированием в России капиталистических отношений. Мотивы этой группы показывают стойкость семьи (прежде

всего нравственную) и способы адаптации к изменяющимся историческим условиям.

Вторая группа мотивов включает в себя негативные аспекты семейной эволюции, вопреки устоявшемуся мнению литературоведов, в том числе и М. М. Бахтина. Эти мотивы не столь часто встречаются в семейных хрониках и за редким исключением («Будденброки» Т. Манна) представлены в произведениях в сочетании с мотивами других групп. Появление мотивов распада самой семьи и её деградации в первую очередь обусловлено ослаблением физических и духовных, и затем социальных потенциалов рода.

Помимо всего прочего, утрата близости к природе, пренебрежение истоками своих фамилий способствует изменениям психологических и социальных качеств семьи. Вс. Соловьев подробно описывает в 1 и 2 частях своего романа усадебный быт и культуру, благодатную жизнь в тиши поместий; автор тоскует по старой России. Оценивая описываемое время, он считает, что отрыв от природы, урбанизация жизни персонажей ведет к качественным изменениям их личностных и семейных судеб.

Аналогичные явления (правда, не занимающие столь значительных мест в художественном составе произведений) мы находим и у других авторов. М. Горький, Дж. Голсуорси отмечают подобного рода явления у своих персонажей. С ростом физических болезней может сочетаться и появление психического нездоровья. Таковы, например, персонажи Т. Манна, (Христиан Будденброк); Вс. Соловьева (Николай и Кокушка Горбатовы); А. М. Горького (Петр Артамонов). Нравственное вырождение обычно выражается в форме гедонизма и пренебрежения к ценностям культуры. Это выражается в образах Христиана Будденброка; Сергея–младшего Горбатова и Якова Артамонова. В некоторых романах этой жанровой группы мы практически не встречаем интенсивного проявления мотивов деградации. Таким образом, например, происходит эволюция Клири в «Поющих в терновнике» К. Маккалоу или в романе Дж. Стейнбека «На восток от Эдема».

В отдельных случаях мы встречаемся с рядом противоположных тенденций. В частности, речь идет о становлении рода и совершенствовании качеств семьи. Как, например, в пенталогии Говарда Фаста о семье Лаветов и Леви, названной «калифорнийской сагой о Форсайтах». В этом произведении речь идет о завоевании членами этой семьи экономических благ и усовершенствовании психологических и культурных черт семейного характера.

В ряде произведений мы встречаемся с темой регенерации семьи. Таковы, например, Джастина и Ден О'Нилы из «Поющих в терновнике»; Мирон из

«Дела Артамоновых»; Владимир–младший Горбатов из соловьевской пенталогии. Такой сюжетный ход позволяет автору семейной хроники нейтрализовать пессимистические мотивы и дает возможность оптимистического и позитивного финала. А французский писатель Э. Базен строит свою «Семью Резо» по обратной схеме. В первом поколении мы встречаемся с деградацией, представленной образами папаши Резо и Психиморы, а второе поколение, представленное их сыном Жаном Резо, показывает положительные стороны семейной эволюции.

Хотелось бы также отметить, что XIX–XX века характеризуются кризисом человечества, в том числе, проявившимся в возрастании социальных болезней и ухудшении здоровья; в это время падает приверженность жизненным ценностям и снижается возможность реализовать свой потенциал. Объективный подход к содержанию художественного материала семейных хроник по-прежнему фиксирует значимость и частотность мотивов вырождения, но конкретный анализ произведений нас приводит к отрицанию идеи о тотальности этих мотивов.

Как уже отмечалось выше, эта разновидность романной прозы возникает на рубеже XIX–XX веков, когда ход истории ускоряется и происходит резкая ломка сложившихся уставов, что, в свою очередь, отражается на жизни частных лиц, представителей всех социальных групп общества.

И определяющим фактором для появления романов семейных хроник становятся именно узловые моменты истории, когда резко меняется или ломается сам уклад. В современной науке такие моменты называют точкой бифуркации (или невозврата). Рассмотрим это понятие подробнее. Итак, точка бифуркации – понятие из технического словаря и обозначает раздвоение: краткий момент, когда система непредсказуемым образом может изменить режим работы то ли в одну, то ли в другую сторону, после чего возврата к прошлому уже нет. Точка бифуркации – это когда множество различных цепочек причинно-следственных связей сходятся в одной точке в одно время – и произошедшая бифуркация в этой точке приведёт уже не к одному неожиданному повороту событий, а комплексно – вплоть до целой человеческой судьбы или истории целой нации, а то и цивилизации. Такое, по крайней мере, применение этот, вероятно, безобиднейший в термодинамике термин нашёл в истории [см.: 5]. Поворотные пункты (точки бифуркации) являются ключевыми параметрами в развитии исторических событий, от конечного результата которых зависит ход всей истории. И в этой связи отметим, что семейные хроники возникают именно в те исторические периоды, когда социальные катаклизмы и порождаемые ими следствия не способствуют благоприятному существованию семьи

как общественного института (то есть после прохождения той самой точки бифуркации). Катаклизмы гражданской истории формируют неравномерное развитие истории семейной. В рамках общеисторических процессов происходит снижение роли личности (или групп личностей) в истории; социальные группы меняются ролями, это вызывает кризис, что отражается на семье как ячейке общества.

По верному, но несколько ироничному замечанию критика Дмитрия Быкова, кризис Германии вызвал к жизни манновских «Будденброков», кризис британской империи – голсуорсовских «Форсайтов», а «перерождение российской империи в советскую – "Дело Артамоновых" <...>, кризис сталинизма породил "Журбиных" в творчестве Всеволода Кочетова; отчетливый упадок уже советской империи вызвал к жизни жанр эпигонской, могучно-почвенной <...> семейной саги в исполнении Г. Маркова ("Строговы"), А. Иванова ("Вечный зов"), П. Проскурина ("Судьба" с двумя продолжениями). На гибель СССР успел отреагировать один Василий Аксенов: "Московская сага" была одновременно и пародией на семейно-исторический роман, и первой пробой многих современных приемов» [3]. К такому наблюдению стоит добавить, что роман Орхана Памука «Джевет-бей и сыновья» был вызван кризисом турецкого государства на рубеже 1970–80-х гг. [21], а роман чилийской эмигрантки, племянницы президента, сеньоры Исабель Альенде «Дом духов» – трагическими событиями в Чили.

Упомянутые Дм. Быковым события и явления носят сугубый исторический характер и не могут не отразиться в романах семейной хроники. Итак, в произведениях, созданных разными авторами в разные эпохи и в разных странах, мы встречаем идентичные мотивы. На наш взгляд, это вызвано тем, что сама природа жанра семейной хроники склонна к обобщениям психологических свойств человека, практически неизменных в течение длительного времени и одинаковых на различных географических широтах. И моменты сохранения себя, семейных устоев и выживания являются непреложными и актуальными.

Но при этом если мотивная структура семейных хроник (включая устойчивый мотив отчего дома [19]) остается более-менее стабильной, то её «внешнее» обрамление может несколько модифицироваться. Так, в процессе развития жанра мы наблюдаем отход от патрилинейного принципа (т.е. по мужской линии) организации семейной истории. Первые хроники («Будденброки», «Хроника четырех поколений», «Сага о Форсайтах», «Дело Артамоновых») были выстроены строго по ранжиру: повествование переходит от отца к сыну, затем внуку и правнуку. Иными словами, мы встречаемся только с типологией

мужских характеров, женские образы выполняли лишь эстетическую функцию и играли второстепенную роль.

С появлением семейных хроник, написанных не писателями, а писательницами, мы наблюдаем внедрение в этот жанр матрилинейного (от матери к дочери и внучке, правнучке) способа повествования, а также сочетание патрилинейного и матрилинейного принципов. Таковы семейные хроники, написанные К. Маккалоу, Дж. Хербст, Б. Смолл; подобное построение семейной истории мы наблюдаем и у писателей-мужчин, например, у американца украинско-еврейского происхождения Говарда Фаста и нашего соотечественника Семена Малкова. Само изменение схемы сюжетопостроения влечет за собою развитие творческих индивидуальностей персонажей и расширяет содержательную сторону хроники.

С другой стороны, мы наблюдаем также некоторую демократизацию семейных хроник. Если первые произведения этого жанра были посвящены в основном представителям крупнейшей буржуазии или аристократии, то более поздние хроники и «романы поколений» повествуют о других социальных группах и классах. Это проявилось в произведениях советских авторов Вс. Кочеткова «Журбины» (о рабочем классе) и Г. Маркова «Строговы» (о сибирских крестьянах). Аналогичную тенденцию можно обнаружить в близком по жанру к семейной хронике роману А. Черкасова «Хмель». В зарубежной литературе такую тенденцию мы обнаруживаем в творчестве Дж. Стейнбека: в обоих своих произведениях, посвященных теме поколений, он пишет об американских фермерах.

В то же время продолжают проявляться семейные хроники, повествующие о высших слоях общества. Например, «Проклятые короли» и «Сильные мира сего» М. Дрюона, или роман советского писателя Е. Федорова о князьях Демидовых «Каменный пояс» и т.д. В отдельных произведениях речь идет о социальной диффузии. Это романы К. Маккалоу «Поющие в терновнике» и Дж. Хербст «Жалости недостаточно».

XX век, ставший катализатором для этого жанра, – время больших жизненных изменений, что не может не отражаться в литературе. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что в будущем появятся новые семейные хроники.

Список литературы

1. Апт С. Томас Манн. М.: Молодая гвардия, 1972. 352 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 5.
3. Быков Дмитрий. Сага о форсажах. Электронный ресурс. URL: <http://www.ogoniok.ru/5031/26/> (дата обращения: 25.11.2020).

4. Грицанова М. В. Соотнесение голосов рассказчиков в повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» // Проблемы литературных жанров. Томск, 1987. С. 59–60.
5. Кожевников Н. Н. Философское осмысление ключевых веков российской истории Ч. II. Точки бифуркации // Наука и техника в Якутии. 2015. №. 2 (29). С. 88–95.
6. Кожин В. В. Эпопея // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 1236–1239.
7. Кожин В. В. Победы и беды России. Русская культура как порождение истории. М.: Алгоритм, 2000. 444 с.
8. Максимова В. А. Из творческой истории романа М. Горького «Дело Артамоновых» // Горьковские чтения. 1947–48. М.-Л., 1949. С. 139–154.
9. Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М.: Художественная литература, 1973. 575 с.
10. Николаева Н. А. Трансформация жанра семейных записок XVIII–XIX вв. в "Семейной хронике" С. Т. Аксаков // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск, 2004. Вып. 6. С. 64–82.
11. Никольский Е. В. Жанр романа семейной хроники в русской и украинской литературе // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія Філологічні науки. 2013. № 1 (5). С. 67–82.
12. Никольский Е. В. Жанр романа семейной хроники в русской литературе рубежа тысячелетий // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2011. № 4. С. 29–34.
13. Никольский Е. В. Истоки и развитие жанра «семейная хроника» в русской литературе: от Нестора до наших дней // Традиции в русской литературе. Нижний Новгород, 2011. С. 11–23.
14. Никольский Е. В. К вопросу о специфике жанра романа семейной хроники и его зарождении в русской классической литературе // Кирилло-Мефодиевские чтения. М., 2009. С. 314–323.
15. Никольский Е. В. Нижегородские семейные хроники в общероссийском контексте истории жанра // Нижегородский текст русской литературы. Нижний Новгород, 2011. С. 65–75.
16. Никольский Е. В. Повесть Бунина «Суходол» в контексте жанровой проблематики // И. А. Бунин и XXI век. Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Елец, 2011. С. 95–100.
17. Никольский Е. В. Роман А. М. Горького «Дело Артамоновых» как семейная хроника // М. Горький и культура (Горьковские чтения-2010. Материалы XXXIV Международной научной конференции). Нижний Новгород, 2012. С. 180–189.
18. Никольский Е. В. Семантическая роль мотива отчего дома в семейных хрониках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. Вып. №1 (96). Майкоп, 2012. С. 73–78.
19. Никольский Е. В. Семейные хроники и романы-реки: сходства и различия близкородственных типов прозы // Кормановские чтения. Ижевск, 2012. Вып. 11. С. 412–420.
20. Никольский Е. В. Формы репрезентации истории поколений в мировой литературе // Кормановские чтения. Вып. 10. Ижевск, 2011. С. 238–246.
21. Никольский Е. В. Формы репрезентации семейной истории в раннем творчестве Орхана Памука // Литературный текст XX века: проблемы поэтики. Материалы V Международной научной конференции. Челябинск, 2012. С. 259–265.

22. Нікольський Є. В. Сімейні хроніки та романи-епопеї як різні типи прози // Вісник Прикарпатського університету. Філологія. Івано-Франківськ, 2013. Вип. 38–39. С. 86–90.
23. Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 549 с.
24. Татьяна А. Г. Ранний Л. Н. Толстой и С. Т. Аксаков. К проблеме жанра семейного романа // Проблемы литературных жанров. Томск, 1999. Ч. 1. С. 259–263.
25. Утехин Н. П. Жанры эпической прозы. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 185 с.
26. Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. М.: Советский писатель, 1975. 376 с.
27. Эсалнек А. Я. Типология романа. М.: МГУ, 1991. 159 с.
28. Эсалнек А. Я. К вопросу о специфике романа // Филологические науки. 1968. № 5. С. 32–41.

References

1. Apt S. *Tomas Mann* [Tomas Mann] Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1972. 352 p. (In Russian).
2. Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t.* [Complete Works: In 13 vols.] AN SSSR, In-t rus. literatury (Pushkin. Dom). Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953–1959. T. 5 (In Russian).
3. Bykov Dmitrij. *Saga o forsazhah* [Saga about afterburner] Elektronnyj resurs. URL: <http://www.ogoniok.ru/5031/26/> (data obrashcheniya: 25.11.2020) (In Russian).
4. Gricanova M. V. *Sootnesenie golosov rasskazchikov v povesti S. T. Aksakova «Detskie gody Bagrova-vnuka»* [Correlation of the voices of storytellers in the story of S. T. Aksakov "The childhood years of Bagrov-grandson"] *Problemy literaturnyh zhanrov* [Problems of literary genres] Tomsk, 1987. Pp. 59–60 (In Russian).
5. Kozhevnikov N. N. *Filosofskoe osmyslenie klyuchevyh vekov rossijskoj istorii CH. II. Tochki bifurkacii* [Philosophical comprehension of the key centuries of Russian history Part II. Bifurcation points] *Nauka i tekhnika v YAkutii* [Science and technology in Yakutia]. 2015. № 2 (29). Pp. 88–95 (In Russian).
6. Kozhinov V. V. *Epopeya* [Epic] *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* [Literary encyclopedia of terms and concepts] Moscow: Intelvak Publ., 2001. Pp. 1236–1239 (In Russian).
7. Kozhinov V. V. *Pobedy i bedy Rossii. Rus. kul'tura kak porozhdenie istorii* [Victories and troubles of Russia. Russian culture as a product of history] Moscow: Algoritm, 2000. 444 p. (In Russian).
8. Maksimova V. A. *Iz tvorcheskoj istorii romana M. Gor'kogo «Delo Artamonovyh* [From the creative history of M. Gorky's novel "The Artamonovs Case] *Gor'kovskie chteniya* [Gorky readings] 1947–48. Moscow-Leningrad, 1949. Pp. 139–154 (In Russian).
9. Mashinskij S. I. *S. T. Aksakov. Zhizn' i tvorchestvo* [S. T. Aksakov. Life and creation] Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1973. 575 p. (In Russian).
10. Nikolaeva N. A. *Transformaciya zhanra semejnyh zapisok XVIII–XIX vv. v "Semejnoj hronike" S. T. Aksakov* [Transformation of the genre of family notes in the 18th – 19th centuries. in "Family Chronicle" S. T. Aksakov] *Materialy k slovarju syuzhetov i motivov russkoj literatury* [Materials for the dictionary of plots and motives of Russian literature] Novosibirsk, 2004. Vyp. 6. Pp. 64–82 (In Russian).
11. Nikol'skij E. V. *Zhanr romana semejnoj hroniki v russkoj i ukrainskoj literaturah* [The genre of the family chronicle novel in Russian and Ukrainian literature] *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu imeni Al'freda Nobelya. Seriya Filologichni nauki* [Bulletin of the Alfred Nobel Dnepropetrovsk University. Series Philological Sciences] 2013. № 1(5). Pp. 67–82 (In Russian).

12. Nikol'skij E. V. *Zhanr romana semejnjoj hroniki v russkoj literature rubezha tysyachetij* [Genre of the novel of family chronicles in Russian literature at the turn of the millennium] *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adyghe State University] Majkop, 2011. № 4. Pp. 29–34 (In Russian).

13. Nikol'skij E. V. *Istoki i razvitie zhanra «semejnaya hronika» v russkoj literature: ot Nestora do nashih dnei* [The origins and development of the genre "family chronicle" in Russian literature: from Nestor to the present] *Tradicii v russkoj literature* [Traditions in Russian literature] Nizhnij Novgorod, 2011. Pp. 11–23 (In Russian).

14. Nikol'skij E. V. *K voprosu o specifike zhanra romana semejnjoj hroniki i ego zarozhdenii v russkoj klassicheskoj literature* [On the specificity of the genre of the family chronicle novel and its origin in Russian classical literature] *Kirillo-Mefodievskie chteniya* [Cyril and Methodius Readings] Moscow, 2009. Pp. 314–323 (In Russian).

15. Nikol'skij E. V. *Nizhegorodskie semejnye hroniki v obshcherossijskom kontekste istorii zhanra* [Nizhny Novgorod family chronicles in the all-Russian context of the history of the genre] *Nizhegorodskij tekst russkoj literatury* [Nizhny Novgorod text of Russian literature] Nizhnij Novgorod, 2011. Pp. 65–75 (In Russian).

16. Nikol'skij E. V. *Povest' Bunina «Suhodol» v kontekste zhanrovoj problematiki* [Bunin's story "Sukhodol" in the context of genre problems] *I. A. Bunin i XXI vek. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 140-letiyu so dnya rozhdeniya spisatelya* [I. A. Bunin and the XXI century. Materials of the international scientific conference dedicated to the 140th anniversary of the birth of the writer] Elec, 2011. Pp. 95–100 (In Russian).

17. Nikol'skij E. V. *Roman A. M. Gor'kogo «Delo Artamonovyh» kak semejnaya hronika* [A. M. Gorky's novel "The Artamonovs Case" as a family chronicle] *M. Gor'kij i kul'tura (Gor'kovskie chteniya-2010. Materialy XXXIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii)* [M. Gorky and Culture (Gorky Readings-2010. Materials of the XXXIV International Scientific Conference)] Nizhnij Novgorod, 2012. Pp. 180–189 (In Russian).

18. Nikol'skij E. V. *Semanticheskaya rol' motiva otchego doma v semejnyh hronikah* [The semantic role of the father's house motive in family chronicles] *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and Art Criticism] Vyp. №1 (96). Majkop, 2012. Pp. 73–78 (In Russian).

19. Nikol'skij E. V. *Semejnye hroniki i romany-reki: skhodstva i razlichiya blizkorodstvennyh tipov prozy* [Family chronicles and river novels: similarities and differences of closely related types of prose] *Kormanovskie chteniya* [Kormanovskie readings] Izhevsk, 2012. Vyp. 11. Pp. 412–420 (In Russian).

20. Nikol'skij E. V. *Formy reprezentacii istorii pokolenij v mirovoj literature* [Forms of representation of the history of generations in world literature] *Kormanovskie chteniya* [Kormanovskie readings]. Vyp. 10. Izhevsk, 2011. Pp. 238–246 (In Russian).

21. Nikol'skij E. V. *Formy reprezentacii semejnjoj istorii v rannem tvorchestve Orhana Pamuka* [Forms of representation of family history in the early work of Orhan Pamuk] *Literaturnyj tekst XX veka: problemy poetiki. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Literary text of the XX century: problems of poetics. Materials of the V International Scientific Conference] CHelyabinsk, 2012. Pp. 259–265 (In Russian).

22. Nikol'skij E. V. *Simejni hroniki ta romani-epopei yak rizni tipi prozi* [Family chronicles and epic novels as different types of prose] *Visnik Prikarpat'skogo universitetu. Filologiya. Ivano-Frankivs'k* [Bulletin of the Carpathian University. Philology. Ivano-Frankivsk] 2013. Vip. 38–39. Pp. 86–90 (In Ukrainian).

23. Sozina E. K. *Soznanie i pis'mo v russkoj literature* [Consciousness and writing in Russian literature] Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2002. 549 p. (In Russian).

24. Tat'yanina A. G. *Rannij L. N. Tolstoj i S. T. Aksakov. K probleme zhanra semejnogo romana* [Early L. N. Tolstoy and S. T. Aksakov. On the problem of the genre of a family novel] *Problemy literaturnyh zhanrov* [Problems of literary genres] Tomsk, 1999. CH. 1. Pp. 259–263 (In Russian).

25. Utekhin N. P. *ZHanry epicheskoj prozy* [Epic prose genres] Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie Publ., 1982. 185 p. (In Russian).

26. CHicherin A. V. *Vozniknovenie romana-epopei* [The emergence of the epic novel] Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1975. 376 p. (In Russian).

27. Esalnek A. YA. *Tipologiya romana* [Typology of the novel] Moscow: MGU, 1991. 159 p. (In Russian).

28. Esalnek A. YA. *K voprosu o specifike romana* [On the specificity of the novel] *Filologicheskie nauki* [Philological sciences] 1968. № 5. Pp. 32–41 (In Russian).